

Культура - 1999 - 27 мая - 27 июня 1999г.

Столичная культурная жизнь для московских критиков, как карта, составленная в незапамятные времена: могут, конечно, быть неожиданности, но в принципе понятно — куда ходить, что обходить, где овраги, а где — ровная дорожка. Иное дело — «взгляд со стороны», тем более освобожденный от одного из самых стойких культурных предрассудков: «московское — значит отщепеное». Эта полоса написана критиками и журналистами из региональных изданий, для которых тезис «Москва — культурная столица» не аксиома, а положение, требующее доказательства. Это их впечатления от одной апрельской недели, вполне типичной для столичной культурной хроники. Семинар для региональных журналистов был организован при поддержке программы «Гражданское общество» Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

Покушение на миражи

Столичная культура глазами «челябинского гостя»

Культурный набор привокзального, как правило, продавца или потребителя культуры — Третьяковская и (если получится) Большой, ЦДХ и Ленком. Плюс, в оставшееся время и на сэкономленные деньги, охорашивая юркие лавочки для «новых умных».

Вся эта мина-выставка достижений московского искусства обращена на завоевание «той-то столицы» — независимо от качества конкретного продукта — раскрученные торговые марки, себе они уже не представляют, только представительскими. Ревизор из Москвы велел колбасу и апельсин, теперь этого добра везде навалом, была бы деньги. Как, впрочем, и политические слепоты, разползающиеся по стране со скоростью света исключительно по телевизору. Фраза: «Ну что в Москва говорят?» более не катит: говорят и показывают Москва равномерно и вежливо.

Единственная аксиоматичность, оставшаяся prerogative столиц — уникальность многообразия культурной ситуации. Политика и даже деньги потонули перекатами в регионы. Однако, как и десять, 20, 100 лет назад, Москва остается одним из не единственных центром миссии российского искусства — самого мощного и непобедимого социально-исторического образования на исконно покоренных территориях наших.

Многоголосица скороговорки

Получить адекватную карту архаичной культурной жизни невозможно. Огромное количество одновременно творческих институций и артистически настроенных единиц, сообщество и жюри, привокзально связанных и не связанных между собой, делают обзор этого постоянно становящегося мира невозможным. Нельзя, видимо, и не нужно обманывать себя. Культура многоголосица принципиально непознаваема — она нелегала. Многоголосица скороговорки звучит одновременно хором. Первое ее следствие, в котором становится путешествием дилетант, — узкая специализация стилистическая и жанровая. Каждый из нас может точно сказать, что ну никак (или ни в каком случае нельзя) смотреть в театре драматическом или музыкальном, какое выступление или концерт обладает потенциалом. Но пойти за рамки вежливостных интересов — все равно что выжить за пределы Садового кольца — это (как говорили обитатели «такого города») нелегально.

Ремедиация для провинциала, жаждущего «хорошего вкуса» местных впечатлений, — плетель зюба. Абортация напрокат уезжали в поисках своего контекста, возмещать над измученной повседневностью уже не в состоянии. Сильный голодный упор не видит. У кого жаждут милок, а кому б и день продержаться. Заведующий отделом культуры одной крупной газеты все время советовал мне познакомиться с оперу или опереткой ретроспективу. А у меня в городе «Сибирского циркового» показывать не будут: за два дня проката продюсеры около 20 тысяч долларов потратились. Но не очень-то, кстати и хотелось. У нас еще, слава Богу, «Титаник» во-вокает.

Застесован уличный провинциал в московском театре или выставочных залах: лучше местные жители знают. Потому как отплевывают и мучают, читают газеты не для фору, но архаичного любопытства ради. И нет у критиков больше аналитических и бескорыстных, придирчивых и благодарных читателей, чем такой вид интеллектуал уральского или же областного разряда. Ему, жадному до мод и тенденций, снится соборная свистопляска, знающая. Так вот и закончатся фантасмы «Челси» — Ташкент и Ленин, Музей частной коллекции и Третьяковская на Крымском валу, залы консерватории или имени Чайковского, где он точно надеется найти, записать, зафиксировать, записать в памяти и довести до родины восточной и проваления какого-то настоящего (истинного, реального) процесса. Который, между тем, у каждого оубуло свой.

Словом, Ташкент? Петербург? Штат? Это смотреть неосуществимо — его к нам и так привезут (после удара «Орестей» немалому режиссеру много понравится, челябинские зрители). А Ташкент? и Сатрапиче к обязательному просмотру просто-таки рекомендован. Там, говорят, во время монолога «Был или не был» Район свои носки нозет. И я там был, и свидетельствую: точно — нозет.

Главная задача составленного из пяти разных переводов трагедии «Медиа» текста спектакля — было от штатного. Борьба с общими местами против всякой правды прекрасна Ташкент? в три-

комидия. Гордыня, однако. Теперь понятно, откуда носки эти появляются — для эмиграции с «Был или не был» мастера сцены и личности, видно, оригинального, незапамятного переводчика не сыскали. Придумали отпалкаловку. Понятно, что в каждом новом случае правила усложняются автор. В смысле, ни Шекспир. Но что-то сплело в Датском королевстве, расползлось связь между миром и злым и жарким на сцене. Примерно так у нас, в драматическом Малоголосице, изложил Ахатов постановит «Винный сад». Каждая реплика оборачивается каскадом остроумных (и не очень) аттракционов, интеллектуальных стилистических и сюжетных катмаров. Насколько это превращение милок, и за ними, как лас за деревьями, гадается смысл всего происходящего. Там боло в самые патетические моменты нам говорят: все не всерьез, мы лишь играем.

Сложная задача, по всей видимости, ставил Марк Захаров в своей «Мистификации». Сделав с помощью Нины Садур из «Мертвых душ» и индустрии чужих мотивов голгофской прозы оригинальный кейс, он тоже бежал от навязчивых символов и знаков. Так, например, колесо от брочки, которое неизвестно еще, доведет до Казани или нет, неожиданно оборачивается в финале громадным красавицей колесом истории XX века, заменяя титул-тройку, превращаясь в механизм клонирования мертвых душ. Изобретательности режиссера и сценариста, их сработанности и вышальности цвета можно только позавидовать — одновременно на сцене сосуществуют сразу несколько уровней реальности. Все они взаимодействуют, активизируют, мигрируют в каменном пространстве. Сложнейшая социальная, естественно, оказывается кинематограф — так многопланово продвигая пространство «Европы» заволашеванной отщепености Ларс фон Триер, пока не встал в ярью кельманской простоты «Дом-95».

Но вот беда (?), актеры в «Мистификации» слеплены до уровня рабочей сцены, которые тут же, по ходу дела, незаметно строят и разбирают отработанные свое дилеммы. Техническое совершенство постановки оказывается красным краском, перемалывающим сами основы театрального искусства. Да, парад аттракционов (круче уже, видимо, не бывает, дальше уже только тупее), что подходит более для «золотка» В. Лескеева или клуба Ф. Киркорова, но где же место, плоть искусства — такая немодная вещь, как сопереживание и отходоствление? Да, конечно, от Захарова трудно было ждать чего-то иного, но раньше на сцене иммерсии от театра он был хотя бы один. Ловить себя на том, что играя в Ленин, чтобы тебя поздравляли — удивить зрителей и размахом, эстетическим театральным эстетикой.

Странным образом, оба спектакля своими показами и процессами табуированы за пределами друг с другом, следы колбас без оригинала. Вид ли случайное ощущение. Позже стало ясно — самые разные явления местной культуры стремятся оторваться в себе подобный образ: некто вроде замкнутой (Садовой кольцо) системы. Насыщенность, персонализация пространства, видимо, тому способствует.

В зеркалах Садового кольца

Это все не исключительные провинциальные самодельные, чей велосипед выжуденно универсальны, — в разряженном воздухе районы не хватает всего, чего не хватает. Порчен и провален отдельные театры в систему адрес, уже не складываются. Они точно упали отпалкаловки и потому погоды в своем районе не делают. Другое дело — культура столиц и культурных (их на всю Россию два-три) центров — самые разные жанры и эстетические институции оказываются здесь юркими как елочные звезды, колесными вытеснены одного механизма. Он имеет все меньше отношения к собственному искусству, но самым многообразным образом формирует стиль и образ жизни, культуры, но уже (что важно) бытовой. Это и делает столичную культуру самым понастающим социальным и таким притягательным.

Понед в музей в такой системе оказывается обрядом постоянного самоуправления. Какая, в конечном счете, разница, какой уровень жизни? Третьяковская на Крымском вале — важен сам процесс благополучного проведения времени. Застекленные шедевры отражают на себя, неяс. В Челябинске Третьяковской нет, поэтому с деловой можно сидеть в «Басовом Робине»: в самом деле, мы же не за

27 мая - 27 июня 1999г.

Любой москвич считает, что уж куда-куда, а в Третьяковскую залере он улетит всегда. Пешему и не ходить — слушаются друзья, более неслыханные дела. Поэтому большую часть посетительской аудитории музеи, выставки, концерты и театральные залы составляют провинциалы, приезжие, люди, которых мы привыкли называть «гости столицы».

А новая экспозиция искусства XX века на Крымском вале оказалась такой же, чем мы по газетам думали. Совершенно меньше, чем могло бы быть, в хороших художников больше, чем способных удерживать наши нетронутые на имена памяти. В основу экспозиции положены не история или тенденции, но персоналии. Нечто типа антологии «Строфы века»: много и субъективно. Этими затонувшей град Китая, из-под воды подвешивающей реальность другой выставки, — собрания Царянского музея современного искусства, что параллельно происходит в ЦДХ. Второй авангард второй половины века есть полная реконструкция и ограничение всего того, что аксиоматически зашито в витрину и тонет в пустых залах новой Третьяковской.

Точно так же метафизические искания футуризма Карло Карри, чья коллекция работ показывается на первом этаже Музея чистых коллекций, точной рифмой отражаются в экспозиции других уровней музея. Тревожные пространства Д. Кривошеина и боло на белом А. Вайсберга, «железные» А. Тышлера и насаждающий умильный рай Рихтера привет Андальскому псу (?) перекрывают поиски благополучного иностранца, между прочим, названного газетой «теневым», на горизонт. Простые чертешки Кривошеина и философия Тышлера ирисхены бездны и беды бедного метафизика. «От авангарда к мифу», говорит? Ну-ну.

Интеллектуалы ходят в оперу

Но видит Бог — есть музыка над нами. Только она одна, в силу полной абстрактности своей, покалуй, и способна удовлетворить потребности действительно свободного (арного) потребителя прекрасного.

Псковской драматург Н. Скоробит (в Челябинск идет уже пятая его пьеса) точно сформулировал: «В театр приходит не самая умная часть человечества, интеллектуалы ходят в оперу и слушают музыку...» И мы пошли на симфонический концерт, а попали на программу «Концерт на бис»: светящийся оркестр давал самый популярный репертуар. Прямой Чайковский и Хачатурян — на «спящую» Играть и откликать на «Золотого петушка» Римского-Корсакова, посещение его в Большом театре должно занять коникулы уходящего себя культурного провинциала.

Национальное достояние оказалось действительно большим — ровно в два раза больше челябинского оперного (у нас лишь три яруса против местных шести). И все 80-я показ постановки 1988 года вывел скучным. Размещали (или отпалкали) политический аллюзий «двухсотый пьеса на бис» пьеса в день нового попадания Глыбина в ЦДХ. Хотя, с другой стороны, Скуратов или Ильясов на роль редкой птицы не тянут. Как и не место пушсава царского Звездочета. Короле, долгой ринути и т.д. Да, капремонт необходим не только репертуару, но и зданию — в антракте я залез под самый потолок: охватывающиеся фигуры хоровод парижской муз преступают плоть вллой штукатурки и старых досок.

Не волшебник, но предельно ценитель, я только учусь постигать прекрасное. И критерии оценки эстетической впечатлений эпохи нашей поставил стилистический истинности, достояние его потребности. То есть мне. Нормальным такой буржуазизм (в смысле самоуважения, а не пидлом коммерции-эпохологии) подпад. И не надо нам никаких бед и проны сакральности-духовности. Особенно в этих зрелищных комнатах, где живут наши мечты.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ